

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО
ВДВОЕМ ПРОТИВ ЦЕЛОГО МИРА
ТАЙНЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
ВИРУС ЛЖИ
ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ НЕ СБУДУТСЯ
ФАРФОРОВАЯ ЖИЗНЬ
ПРОТИВ ВЕТРА, МИМО ОБЛАКОВ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ПРОТИВ ВЕТРА,
МИМО ОБЛАКОВ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Полянская, Алла.
П54 Против ветра, мимо облаков : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-99665-0

Когда Вика вышла из колонии, она думала, что самое страшное осталось позади. Да, ее осудили безвинно — она не убивала собственную сестру! — но в заключении девушка сумела выжить. Вот только забыть такое и жить дальше — невозможно... Со временем Вика, в прошлом известная телеведущая, смирилась с тем, что возврата к прежней успешной жизни нет, и стала привыкать к своему новому, полуподпольному, существованию. Однако судьба решила, что испытаний на ее долю выпало недостаточно. Случилось еще одно убийство, в котором вновь обвинили Вику, и теперь ей угрожает новый срок! Но для нее лучше умереть, чем вернуться в тюрьму...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99665-0

Copyright © PR-Prime Company, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Светлой памяти моего друга.
Здесь ты жив, и всегда будешь жив, Женька.*

1

— Игорь, ну скоро?

Она очень юная, очень хорошенькая и очень пустенькая. В блестящих узких брючках, красной кофточке, с волнистыми золотистыми волосами, причем и волны, и золото — все искусственное, а вот молодость... Ей и двадцати нет, и тут уж без подделки. Капризно надутые губы, здоровенный телефон, в который она постоянно пялится, вытягивая губы уточкой, а когда говорит, то намеренно слегка шепелявит — возможно, ей кажется, что это мило.

— Киса, подожди еще немного. Хочешь, в кафе посидим? Там есть мороженое.

Ему тоже кажется, что шепелявит она мило.

Вика презрительно поморщилась и нырнула за машину, поправив бейсболку — козырек полностью скрыл ее лицо.

— Придорожная забегаловка с оригинальным названием «У Алены». Ты меня еще в ларек поведи, шаурму есть. Лучше поторопи их, чего они возятся.

Он не изменился. Все та же гордо посаженная голова с профилем античной статуи, все те же светлые волнистые волосы — длинные, до плеч, собранные в пучок

пижонским кожаным шнурком, а Вика точно знает, что под шнурком обычная резинка. Все те же синие миндалевидные глаза и четко прорисованная линия губ... Когда все стояли на раздаче в очереди кто за чем, этот парень успел три раза постоять за красотой, и три раза ему отсыпали сверх меры. И его сорок два года совершенно не очевидны.

— Девушка, вы долго еще?

Вика наклонилась совсем низко к переднему бамперу и полировала его ветошкой, делая вид, что спрашивают не ее.

— Девушка, я к вам обращаюсь!

— Чего вы орете, мужчина? — Из комнаты кассира выглянула Лидия Васильевна, кассирша. — Уже заканчивает, не видите, что ли? Идите в кассу и рассчитайтесь, вместо того чтобы кричать. Что за народ, им стараешься как лучше, а они только орать горазды. Быстрее вам никто не сделает, нешто не знаете.

Вика рада, что он не узнал ее. А вот машина узнала. Открыв дверцу водителя, Вика принялась вытирать руль. В машине пахнет совсем не так, как когда-то.

— Девочка моя.

Вика погладила руль, понимая, что ведет себя глупо — но это она, ее родная машинка.

Теперь в ней ездит какая-то капризная «киса» и **этот**.

Вика давно уже не называла его по имени, даже в мыслях — просто «этот». Потому что никакого названия данному индивиду придумать просто не могла, а потом стало уже все равно, и вот теперь снова всколыхнулось, потому что вот он — этот, с какой-то разрисованной «кисой», на ее машине.

Вика нежно погладила руль и захлопнула дверь. Это уже не ее машина, не ее жизнь, все двери перед ней за-

крыты. Остались только вот эта экспресс-мойка и куча тряпок разного калибра.

— Смотри, смотри же, сколько малины! В лукошках! А лукошки тоже продаются? Купи мне, я хочу малины!

— Малина не продается. — Лидия Васильевна отгеснила «кису» от столика с ягодами. — Это мне родственница привезла, буду идти домой — заберу.

— Да ладно вам, продайте лукошко — я хорошо заплачу.

Он тянется в карман за деньгами, а Лидия Васильевна темнее тучи.

— Сказано — не продается! Или вы, господин хороший, слов не понимаете? Помыли вам машинку — езжайте с богом, капризы вашей дочки мне здесь ни к чему, дома пусть капризничает. Распустили детей, а ведь девка-то не маленькая, и все туда же — хочу, и все. Она у вас, случайно, на пол не падает ногами дрыгать, если не получает того, чего хочет?

Вика хохочет, спрятавшись в чулан с ведрами. Ай да Лидия Васильевна, вот ведь нашла чем уесть — ему такие слова как серпом по яйцам, особенно сейчас, когда он сделал себе первую подтяжку — уж она-то это хорошо видит.

И он всегда любил девочек помоложе, но эта «киса» совсем уж на грани уголовной статьи.

Он поспешно влез в машину и уехал, забрав с собой кису. На ее машине.

— Вика!

Именно сегодня из всего персонала на работе только она. Ванька после вчерашнего никакой, остальные тоже — «после вчерашнего», и Лидия Васильевна прогнала их, чтоб не позорили заведение. Что им скажет Юрка, хозяин мойки, Вике безразлично — она ни рук, ни ног не чует, помыв за пару часов десяток машин.

Вика сбросила резиновые сапоги и подставила ноги солнцу. Несмотря на то что обувь водонепроницаемая, вода попадает внутрь, и к обеду ноги словно в луже, которая плещется в сапогах. И нужно время от времени сушить и сапоги, и ступни.

— Вик, а ведь я его не сразу признала.

Вика молчит. Разговаривать об «этом» она не хочет принципиально. Она-то его сразу узнала, а вот он ее — нет, а значит, она изменилась настолько, что даже хорошо знакомый человек не признал. Впрочем, лица ее он не видел, голоса не слышал — а все ж.

— Я его, паразита, потом уж признала — наглость-то какова, на твоей машине малолетнюю стервь катает, бесстыжий мужик!

Вика молчит, греясь на солнце, и думает о том, что осенью она сможет уйти отсюда.

Вот только георгины пристроит.

Лето достигло своего пика.

* * *

Назаров торопился, а когда он торопился, то всегда нервничал.

Впереди были выходные, которые он планировал провести в свое удовольствие, а тут как на грех — задержка с передовицей, потом подвел художник, и рекламодатели вдруг заартачились, и пока Назаров все это разгребал, прошел день. Уже шестой час, и пора бы закругляться — ведь пятница же, и футбол сегодня, но дел еще полно.

— Здравствуй, Евгений Александрович.

Этот человек всегда ходит тихо, как индеец, — но на индейца был совсем не похож. Небольшого роста, поджарый и очень загорелый — явно загорал не здесь, и что

его привело сюда, неизвестно. И лучше бы он не приходил, но очень сложно предложить не приходить в здание человеку, которому это здание принадлежит.

— Здравствуйте, Николай Андреевич.

Назаров вышел из-за стола и пожал протянутую руку, этикет соблюден. Гость сел в кресло для посетителей и огляделся.

— Смотрю, ты совсем освоился. Не жалеешь, что вернулся?

— Нет, жалеть не о чем. — Назаров пожал плечами. — Писать я могу где угодно, а вот жить мне удобнее здесь. По семейным обстоятельствам в том числе.

— Думаешь, твоя бывшая тебя здесь не достанет? — Гость захохотал. — Я вчера вернулся с Кипра, заехал в Париж, Ира хотела побродить по бутикам. На улице купил газету, на первой странице твоя благоверная, снова в центре внимания: устроила дебош в ресторане. В общем, жизнь ее, похоже, бьет ключом.

— Ага, и почему-то всегда по голове. — Назаров старался не злиться, ведь он дал себе слово не реагировать на упоминания о его неудачном браке. — Я здесь, потому что бабушка болеет и нужно быть рядом.

— Нанял бы кого-нибудь.

— Когда она растила меня, то никого не нанимала. — Назаров знал, что гость специально дразнит его, и сердился. — Бабушка для меня самый близкий человек, и у нее тоже, кроме меня, никого нет. А мое вдохновение не зависит от страны пребывания.

— Да, читал твою последнюю книгу. Читиво это не по мне, но я хотел кое-что понять.

— И поняли?

— Понял, что безнадежно устарел. — Гость рассмеялся. — Ладно, все это присказка — а сказка будет впереди.

Я чего к тебе пришел-то, Женя. Я знаю, что Виктория вышла.

Назаров меньше всего ожидал подобного разговора. Он было решил, что гость пришел к нему по поводу редакционной политики относительно освещения городских новостей, где Назаров не щадил никого, тем самым за короткий срок снискав огромную популярность среди читателей и ворох претензий от чинуш самых разных рангов. А ведь скоро выборы, и Назаров точно знает, что его гость финансирует предвыборные кампании нескольких кандидатов. И вдруг — разговор о Вике. Он даже сам с собой это не обсуждал, а тут...

— Да, вышла еще зимой. Живет в Привольном, в старом доме ее бабки.

— Теперь ясно, магнит какого рода держит тебя там. — Гость жестом приказал Назарову молчать. — Я все ждал, когда же она ко мне придет, но не дождался. Ехать к ней я не могу, но ты уж, будь добр, сообщи мне, если понадобится помощь. Конечно, телевидение для нее закрыто, но я что-нибудь придумаю. Не хотел бы, чтобы она ставила на себе крест.

— Я тоже этого не хотел бы, и...

В дверь заглянула секретарша.

— Евгений Александрович, звонит ваша жена.

Секретарша никак не может усвоить, что жена бывшая — впрочем, Анна кого угодно умеет заставить делать то, что ей нужно, а потому Назаров просто не отвечает на ее звонки, и Анна звонит в приемную, а секретарша вынуждена докладывать о звонке. Противостоять Анне очень сложно. Настолько сложно, что секретарша рискнула прервать его разговор с этим человеком.

— Я возьму.

Конечно, секретарша не виновата, она сделала все, что могла.

— Извините, Николай Андреевич, это недолго, иначе она не даст нам поговорить.

— Конечно.

Назаров предпочел бы говорить с бывшей женой без свидетелей, потому что никому не надо знать, что он бесхребтный дурак, но спровадить человека, владеющего креслом, на котором он сам сидит, и кабинетом, и даже телефонным аппаратом... в общем, это плохая идея.

— Же-е-е-ень!

Голос Анны, тягучий и сладкий, и такой же обманчивый, как ее внешность Белоснежки. Когда-то и он обманулся, но это в прошлом. Правда, Анна так не считает.

— Анна, я занят.

Он понимает, что проиграл в тот момент, как только взял трубку — но оставлять секретаршу на растерзание бывшей жене было нечестно и малодушно. И потому он вынужден сейчас выставить себя тряпкой в глазах человека, которого он... ну, да, уважает — несмотря на его одиозную репутацию. Но у Анны есть свойство: она умеет заставить любого делать то, что хочет она.

— Женя, я завтра буду в городе, давай встретимся?

Назаров тупо уставился на кипу статей у себя на столе, на миг даже забыв о человеке в кресле посетителя. Какого-то черта Анна прилетит из Парижа в Александровск? Зачем хочет с ним встретиться?

— Посидим в милом смешном кафе «Маленький Париж», ты мне закажешь какао и их фирменный торт, а я куплю каких-то новых стеклянных фигурок... Жень, ты чего молчишь?

Назаров понимал, что это ловушка: и голос, тяжелый и гладкий, как жидкое золото, и невинные планы насчет кафе и стеклянных фигурок... Но как сказать, что ему все это не нужно? А самое главное — как сделать, чтобы Анна осталась где-то там, в Париже, демонстрировать

моды и позировать фотографам, а не вваливалась снова и снова в его уже налаженную жизнь?

— Же-е-енечка!

Она знала, что он не устоит — конечно же, попретса с ней в это кафе, а потом... Да бог знает, что Анне взбрдет в голову, учитывая, что она всегда под кайфом. А закончится все скандалом и полицией, и его, Назарова, испорченными нервами и подорванной репутацией. Потому что ни о ком, кроме себя, Анна думать не умеет. Она вообще не умеет думать, похоже. А если в Париже она сейчас в центре нового скандала, стоит ожидать, что за ней потянутся папарацци, и Назаров тоже может оказаться героем скандального репортажа, а учитывая, что неделю назад парижское издательство выпустило в продажу его книгу... Конечно, Анна все просчитала.

Назаров уставился в первую попавшуюся статью — из тех, что еще ждали его одобрения. Их много, а в номер нужно отобрать всего три.

«Бизнесмен и меценат Николай Ладыжников на открытии бассейна». Ну, этого «мецената» Назаров отлично знает, его второе имя — Коля-Паук, и весь рэкет, все незаконные операции и уголовщина происходят под его патронатом, так что никаких статей о его меценатстве он не пропустит. Несмотря на то что меценат сидит сейчас в его кабинете, полирует задницей кресло для посетителей и заинтересованно слушает его разговор с Анной.

И вот это тоже не годится — эка невидаль, беременная школьница из многодетной семьи, и...

Что?!

«Виктория Станишевская вышла из тюрьмы!»

Заголовок прост и понятен, и как раз этой понятностью и простотой автор и заинтересует аудиторию. Фотографии Вики — босиком, в кепке с козырьком, она из шланга моет бока большого внедорожника.

«Убийца вышла на свободу! Приговоренная к семи годам тюрьмы за убийство собственной сестры Виктория не отбыла в колонии и половины срока, выйдя на свободу — но чиста ли ее совесть? Кровь на руках не смыть никакими средствами, и убитую не вернешь. И я думаю, что три года — это слишком мало. Назовите меня мстительным, но как так получилось, что убийца на свободе?»

Она прячется от всех в одном из пригородных сел — там у нее, как оказалось, есть собственный дом. И она живет, наслаждается каждым днем — а ее жертва...»

Назаров вдруг ощутил ту абсолютную ясность, которая бывает у него только тогда, когда он достигает точки абсолютной ярости.

— Же-е-е-ень!

Это Анна, она до сих пор на проводе, и ее фальшивый голос, подогретый кокаином, звучит неуместно и глупо.

— Анна, ты можешь ездить, куда тебе вздумается, но с чего ты взяла, что я хочу с тобой встречаться?

«В ее дворике полно цветов, она плетет корзины и продает на трассе ягоды и травы — в промежутках между мытьем машин, и уже никогда не вернется ни на телевидение, ни в светское общество, но достаточно ли этого? Почему кто-то счел возможным выпустить на свободу жестокую убийцу, когда...»

— Жень, ты что?

— Ничего. — Назаров понимал, что Анна не виновата в его ярости, но теперь уж получит и она. Чтоб два раза не вставать. — Прекрати мне звонить! Прекрати пытаться мною манипулировать, мы развелись год назад, прими это и не беспокой меня. У меня другая жизнь, другая работа и другая женщина, или ты своим прокисшим от кокса мозгом не в состоянии этого осознать?

— Жень... Ну ты чего?

Теперь она включила сценарий «потерявшаяся сиротка». Назаров знал все ее уловки и, несмотря на это, постоянно велся на них, но не сейчас, когда он так зол.

— Я — ничего. Просто перестань мне звонить, присылать письма и третировать мой персонал. Не надо приезжать, чтобы со мной встретиться, я не хочу с тобой встречаться, и у меня есть с кем посещать кафе, ясно? Анна, тебе нужно лечь в клинику и полечиться, а потом...

— Женя, мне очень нужна помощь! — Анна зарыдала очень натурально. — Женечка, только ты настоящий, и только ты...

— Только я вижу тебя насквозь.

«Виктория Станишевская заплатила долги обществу? Я так не считаю, и родители ее жертвы тоже так не считают. Мать убитой Дарины Станишевской возмущена...»

— Жень, ты не понимаешь! Я сегодня стояла на крыше и думала прыгнуть вниз! И только мысли о тебе...

— Так надо было прыгать, Анна. — Назаров цедил слова сквозь зубы, изо всех сил стараясь держаться в рамках приличий. — Надо было взять и прыгнуть, вместо того чтобы доставать меня и лить водопады соплей по себе любимой, потому что единственная твоя проблема — настоящая проблема, а не выдуманная — это кокаин. И ты уж будь добра, с этой проблемой разбирайся сама, я пас.

— И тебе все равно, что я покончу с собой?

— Да. — Назаров вдруг понял, что ему и правда это безразлично. В обычное время он бы почувствовал себя бессердечной скотиной, но не сейчас. — Но знаешь, что будет на самом деле? Сейчас ты наешься каких-то практически безвредных таблеток, а через десять минут придет массажистка и обнаружит тебя около пустого пузырька, ты притворишься мертвой, но она обнаружит сердцебиение, конечно же. Массажистка поднимет крик, вызовет врачей, тебя под щелканье фотокамер перевезут

в клинику, станут пичкать успокоительными и таскать к психологу, а журналисты примутся расписывать это на все лады, и ты будешь нежно ронять слезы перед камерами, и обыватели простят тебе твой давешний дебош в ресторане. Ты слишком сильно себя любишь, чтобы прыгнуть с небоскреба и умереть тяжкой и страшной смертью, расплескав кровь и мозги по тротуару и ощутив в последний миг, как ломаются все до единой твои кости и рвутся внутренности, а лицо превращается в месиво. А возможно, ты проживешь после падения еще какое-то время, наслаждаясь ощущениями? Нет, Анна, эта клоунада с суицидом мне уже не интересна, я это все уже с тобой проходил, уроки извлек, теперь поищи другого дурака.

— Скотина ты, Назаров!

Конечно, она ломала комедию, и он знал, и она знала, что он знает, — но Анна думала, что воспитание не позволит ему озвучить это. И не позволило бы, и ему пришлось бы тащиться за ней в кафе, и все пялились бы на них, а папарацци щелкали бы фотоаппаратами из всех щелей, а потом Анна вдруг принялась бы танцевать на столе, например.

И он бы ощущал себя набитым дураком, которого использовали в очередной раз.

Но теперь этого не будет. И Анна, похоже, тоже это поняла.

Назаров повесил трубку и поднял взгляд на гостя.

— Извините, Николай Андреевич.

— Ничего, я был женат четыре раза. — Ладыжников засмеялся. — Правда, ни одна из моих жен не была такой красоткой, но стервами были практически все. Тянет нас на стерв, да, Женя? Когда барышня стервозная, с ней интересно. Это та, кто ни рыба ни мясо, пусть на дачу ездит